

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ И ТУРЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2025

Мехмет Эмин Икбаль Дюрре¹

Проблема взаимоотношений Турецкой Республики и сирийских курдов является сегодня острой не только в рамках «курдского вопроса», существующего в той или иной форме в Турции, Ираке, Иране и Сирии. Она может при определенном развитии ситуации стать еще одним источником напряженности в Ближневосточном регионе наряду с израильско-палестинским конфликтом. В настоящей статье делается попытка проанализировать нынешнее положение дел в отношениях Турции с курдами Сирии, в том числе в историко-политической перспективе.

Отмечается, что курдская ситуация в Сирии сегодня складывается в рамках такой кардинальной перемены, как падение режима Башара Асада. Кроме того, Турция традиционно рассматривала сирийских курдов и их политические структуры как органически связанные с признанной в этой стране террористической Рабочей партией Курдистана. Это обстоятельство и определяло отношение Турции к сирийско-курдскому движению как антагонистическое. Однако в самое последнее время, на момент подготовки статьи, РПК официально заявила о самороспуске, хотя в реализации этого решения не все пока однозначно. На основании анализа сирийско-курдской ситуации и турецкого фактора в ней автор приходит к выводу, что она, скорее всего, будет разрешена на основе политического прагматизма и реализма.

Ключевые слова: Сирия, Турция, курды, Рабочая партия Курдистана

Для цитирования: Мехмет Эмин Икбаль Дюрре. Сирийские курды и Турция на современном этапе. Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 3. С. 169–176. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-169-176

SYRIA'S KURDS AND TURKEY TODAY

Mehmet Emin Iqbal Durre

The problem of relations between the Republic of Turkey and the Syrian Kurds is acute today not only within the framework of the “Kurdish issue” that exists today in one form or another in Turkey, Iraq, Iran and Syria. It can, with a certain development of the situation, become another source of tension in the Middle East region, along with the Israeli-Palestinian conflict. This report (article) attempts to analyze the current situation in Turkey’s relations with the Kurds of Syria, including in the historical and political perspective.

This article examines the situation with the Kurds in Syria at the present stage and some aspects of Ankara’s policy towards the Syrian Kurds. It is noted that the Kurdish situation in Syria today is developing within the framework of such a cardinal change as the fall of the Bashar al-Assad regime. In addition, Turkey has traditionally viewed the Syrian Kurds and their political structures as organically connected with the terrorist Kurdistan Workers Party recognized in this country. This circumstance defined Turkey’s attitude towards the Syrian-Kurdish movement as antagonistic. However, recently, at the time of the preparation of the article, the PKK officially

¹ Мехмет Эмин Икбаль Дюрре, кандидат исторических наук, доцент МГЛУ, Москва; ikbal@mail.ru
Mehmet Emin Iqbal Durre, PhD (Hist.), Associate Professor at Moscow State Linguistic University; ikbal@mail.ru

announced its self-dissolution, although not everything is clear in the implementation of this decision. Based on the analysis of the Syrian-Kurdish situation and the Turkish factor in it, the author concludes that it is likely to be resolved on the basis of political pragmatism and realism.

Keywords: Syria, Turkey, Kurds, Kurdistan Workers' Party

For citation: Mehmet Emin Ikbâl Durre. Syria's Kurds and Turkey Today. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 169–176. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-169-176

Нынешний антагонизм между турецким государством и сирийскими курдами имеет две общие исторические предпосылки. Первая из них — в том, что определенная и весьма многочисленная часть нынешних «сирийских» курдов — это изначально курды «турецкие», бежавшие в Сирию в 20-х — 30-х гг. прошлого века от репрессий за участие в курдских восстаниях того времени.

Вторая — доминирование среди политически активных слоев сирийско-курдского общества идеологии РПК. Это исторически обусловлено тем, что сирийские курды, особенно во времена правления Хафеза Асада, были сильно маргинализированы. Большинству из них отказывали в предоставлении сирийского гражданства, против курдов также осуществлялись репрессии.

Начавшаяся в 2011 г. гражданская война в Сирии стала предпосылкой создания автономной администрации Рожавы. Она же сформировала и тот военно-политический расклад, который привел к нынешней ситуации и который, хотя и в измененном виде, существует до сегодняшнего дня. Суть его в том, что во внутрисирийском конфликте сформировалось сразу несколько сторон. Это — правящий режим Башара Асада, группировка «Хаят тахрир аш-Шамс²», которую можно определить как сирийских националистов, в значительной мере опирающихся на идеологию политического ислама, сирийские курды, в политическом отношении представленные прежде всего Партией демократического союза (PYD) и, наконец, пресловутое «исламское государство» (ДАИШ–ИГИЛ³). Общим для всех этих участников сирийского конфликта (кроме ИГИЛ) было то, что за ними либо стояло иностранное государство-эктор (Россия и Иран за режимом Дамаска, Турция за — сирийской арабской оппозицией (ХТШ и ее союзники), либо на них возлагались ключевые надежды, как, например, было у курдов, делавших и делающих ныне главную ставку на помощь США и Запада.

Как известно, вплоть до самого последнего времени «идеологию» действий (в том числе военных) Анкары в пограничных районах определял тезис, что сирийско-курдская PYD является фактически «филиалом» запрещенной в Турции РПК, а ее вооруженные формирования YPG в значительной степени состоят из курдских боевиков из Турции. Лидеры сирийских курдов при этом, не отрицая идеологического родства с РПК, категорически отвергали претензии о военном союзе с этой партией.

Такая ситуация сохранялась вплоть до 8 декабря 2024 г., когда в результате во многом неожиданного удара был свергнут державшийся более 30 лет режим Башара Асада и к власти пришло правительство ХТШ во главе с Ахмедом аш-Шараа. Это обстоятельство вывело из сирийской «игры» Россию и Иран, но одновременно сделало ситуацию вокруг Сирии еще более запутанной и непонятной на перспективу.

Здесь необходимо, на наш взгляд, остановиться на ответе на вопрос, который часто поднимается в информационном пространстве, — насколько новые власти Сирии являются «исламистами» и насколько они родственны в идеологическом отношении правящей в настоящее время

² Деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ Признана террористической на территории Российской Федерации.

ПСР, что, по мнению многих экспертов, и стало определяющим в поддержке Анкарой этой политической силы.

На наш взгляд, новый режим в Дамаске представляет сирийских националистов, опирающихся в значительной мере на идеологию политического ислама. Об этом свидетельствуют действия нового сирийского руководства в течение периода его пребывания у власти. Например, в проекте новой Конституции однозначно указывается на то, что основой законодательства страны являются принципы шариата. Кроме того, такие действия, как репрессии против алавитов и друзей с точки зрения суннитов-фундаменталистов, являющихся еретиками, также характерны именно для «политических исламистов» экстремистской ориентации.

Но в целом на данный момент пока не заметно активной исламизации внутренней жизни в Сирии. Скорее идет «дебаасизация» государственного аппарата. Также новая власть огласила программу сугубо секулярного свойства в экономике, предусматривающую денационализацию и передачу в частные руки ставших во времена Асада государственными предприятий.

Теперь что касается вопроса о том, насколько поддержка Турцией сирийской оппозиции основана на идеологической общности. Часто приходится встречаться с определениями ныне правящей в стране ПСР как «исламистов» и «филиала братьев-мусульман». Думается, что это — смещение акцентов. ПСР — это турецкие националисты, опирающиеся на некоторые принципы ислама в духовно-культурной сфере, но эти принципы никоим образом не определяют внутреннюю, внешнюю и экономическую политику страны. То же можно сказать и о новых властях Сирии, хотя в их случае исламская религиозная составляющая, возможно, более значима. А поддержка определяется тем, что режим Асада в Сирии традиционно являлся для Анкары «проблемной точкой» (за исключением периода, начиная с прихода к власти Эрдогана и до начала гражданской войны в Сирии в 2011 г., когда действовала «доктрина Давутоглу», предусматривающая «пулевые проблемы» с соседями) с препятствием для установления должного уровня геополитического и геоэкономического влияния в регионе. Поэтому поддержка именно оппозиции баасистам вполне логична для традиционной стратегии Турции, сложившейся в последние четверть века.

Особенностью деятельности политической Анкары на сирийско-курдском направлении в последние годы и в настоящее время является то, что в данном случае внешняя политика не просто, как утверждает классический тезис, является продолжением внутренней, но стала ее неотъемлемой частью. Курдский фактор стал важной составляющей политики ПСР с момента ее прихода к власти. Именно голоса курдов, среди которых выше уровень исламской религиозности, в значительной степени привели в 2002 г. Реджепа Эрдогана и его партию к власти. Следует признать, что хотя и очень немного, но что-то было сделано правительством ПСР для курдов — прежде всего это отмена тотального запрета на использование курдского языка и образования. С другой стороны, турецкие операции в Рожаве явно не добавили популярности правящим в Турции силам, более того, именно они не в последнюю очередь стали причиной общего ухудшения социально-экономической ситуации в стране.

То есть на сегодняшний день на перспективу правительство ПСР оказалось как бы «зажатым» между этими двумя противоположными тенденциями в курдском вопросе, что может негативно сказаться для него в предстоящих выборах кампаниях.

Как полагает американский исследователь и дипломат Роберт Пирсон, в настоящее время для сохранения своей власти в стране и влияния в регионе эта партия должна решить три задачи 1) сокрушить демократию и де-факто разрушить турецкие оппозиционные партии, что выразилось в аресте и предъявлении обвинений против Экрема Имамоглу, популярного мэра Стамбула и ведущей фигуры в главной оппозиционной Народно-республиканской партии (СНР); 2) всеми силами

и возможностями привлечь «прокурдскую» Партию народного равенства и демократии (DEM) в коалицию с ИСР к предстоящим избирательным кампаниям; 3) изменить таким образом механизм власти и влияния в Сирии, чтобы политически нейтрализовать местных (сирийских) курдов [Pirson, 2025]. То есть решение сирийско-курдского вопроса явно привязано к внутривнутриполитическим проблемам Турции, связанным с курдами.

10 октября 2024 г. президент Реджеп Эрдоган жестко заявил, что Турция не уйдет с сирийских территорий до тех пор, пока не будут повержены или разоружены все местные курдские вооруженные формирования. Тем не менее внутри турецкой власти есть некоторые различия мнений по этому вопросу. Если министр обороны Ясар Гюлер 15 декабря 2024 г. четко заявил, что первоочередной целью турецких военных являются все сирокурдские вооруженные формирования, то глава МИД Хакан Фидан озвучил более «мягкую позицию». По мнению главы турецкой дипломатии, необходимо с помощью Сирийских демократических сил (курдских подразделений под командованием Мазлума Абади) добиться или ликвидации, или изгнания боевиков РПК, действующих на территории Сирии, и склонить в дальнейшем СДС к интеграции с вооруженными силами нового сирийского режима либо предложить им также сложить оружие [Middle East Eye, January 2025]⁴.

Рубежным моментом в процессе взаимодействия властей Турции и курдов стало событие, которое условно можно обозначить как «разворот Бахчели».

Девлет Бахчели, лидер Партии националистического движения (МНР), являющейся ключевым партнером правящей ИСР, давно и широко известен своими ультранационалистическими взглядами и политической позицией. Еще недавно он публично заявлял о том, что «прокурдская» партия DEM является ответвлением РПК и должна быть запрещена. Также он открыто высказывался за возвращение смертной казни, причем ее первое применение он предлагал в отношении отбывающего пожизненное заключение лидера РПК Абдуллы Оджалана.

Но в октябре 2024 г. с Бахчели происходит парадоксальная метаморфоза. Лидер националистов обменивается рукопожатиями с депутатами меджлиса от партии DEM, заявляет о возможности освобождения Оджалана в обмен на сложение оружия боевиками и роспуск РПК.

На эти декларации Оджалан ответил заявлением следующего содержания: «Я обладаю необходимой компетентностью и решимостью, чтобы внести позитивный вклад в новую парадигму». Можно утверждать, что этот «разворот Бахчели» стал одним из катализаторов процесса, завершившегося призывом Оджалана к РПК прекратить огонь.

Возникает вопрос: что все это значит? Реальное «превращение Савла в апостола Павла» в сфере турецко-курдских взаимоотношений или виртуозный политических маневр, преследующий предвыборные цели?

После того, как ИСР утратила конституционное большинство в парламенте, для нее еще более важной стала коалиция с националистами Бахчели. Это предполагает, что последнему следует предоставлять больше возможностей для публичного самовыражения, одной из форм которого стали октябрьские декларации этого деятеля. Кроме того, если из уст крайних националистов звучат такие заявления по поводу необходимости решить курдский вопрос и установить позитивные взаимоотношения между турками и курдами, то это не может не привлечь внимание широких кругов курдских избирателей, отличающихся консерватизмом, и мотивирует их голосовать именно за такую политическую силу. Тем более что в памяти турецких курдов сохранились трагические события их истории, связанные именно с оппозиционными ныне кемалистами.

⁴ См: Middle East Eye, Turkey's vision of Syrian Kurds. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/what-turkeys-vision-kurds-syria> (дата обращения: 15.06.2025).

Наконец, немаловажным является тот факт, что Бахчели идеологически представляет «глубинное государство» в Турции. Идеология этого «государства» — чистый турецкий национализм, выступающий в публичной политике либо в лево-либеральной «оболочке» (кемалисты), либо «умеренно-исламистской» (правящая Партия справедливости и развития). Кроме того, Бахчели — амбициозный политик, и очень вероятно, что таким образом он пытается поставить курдскую проблему под свой контроль и контроль Партии национального действия. Это нужно, чтобы ситуация в регионе не приобрела негативный для Турции оборот, особенно после беспрецедентно резкого ухудшения отношений Анкары с Тель-Авивом. Необходимо учитывать роль Израиля и потенциальную возможность сближения курдов с еврейским государством.

До настоящего момента прекращение вооруженных и террористических действий на территории Турции продолжается, за исключением инцидента в городе Казан, недалеко от Анкары. Однако за границами страны все не так однозначно. Продолжаются операции турецких войск против штаб-квартиры РПК в горах Кандил (Ирак), сохраняется выжидательно-напряженная ситуация в отношении политики Турции в Рожаве (Сирийский Курдистан). А руководство РПК в Кандиле так сформулировало свою позицию: «Мы не можем обсуждать вопрос о полном прекращении огня и перемирии на уровне съезда партии, пока не прекратится операция турецких войск в Ираке».

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в данный момент турецко-курдские отношения в целом и отношения Анкары с сирийскими курдами в частности развиваются прежде всего в рамках и как часть политико-пропагандистской подготовки правящей в Турции коалиции к предстоящим выборным кампаниям. Однако в настоящий момент для подлинного решения проблемы Турции с курдами Сирийского Курдистана (Рожавы) требуется учет факторов реальной политики, сложившихся вокруг него.

Факторы «реальной политики» и возможные перспективы развития отношений Турции с сирийскими курдами

Два главных фактора «реальной политики» определяют, как и определяли раньше, ситуацию вокруг Рожавы (Сирийского Курдистана). Это внешняя (международная) ситуация, которая традиционно является определяющим фактором политической эволюции курдского вопроса, и внутренние проблемы отношений между политическими структурами Сирийского Курдистана.

После того, как в 2016–2017 гг. было разгромлено «Исламское государство» (ИГИЛ), представлявшее главную проблему для всех акторов событий в Сирии (от западной коалиции до режима Асада и поддерживаемых Анкарой сил националистическо-исламистской сирийской оппозиции), Дональд Трамп, тогда работавший первый срок на посту президента США, принял решение о выводе войск из Сирии. А именно западный контингент был основной силой, обеспечивавшей безопасность сирийских курдов. Это решение было обусловлено тем, что приоритетом республиканской администрации США стало ослабление внутренних проблем, а не международная экспансия. Уход основных сил западной коалиции, которые, собственно, и обеспечивали полноценную защиту Сирийского Курдистана, по определению усилил Турцию, которая активно начала проводить военные операции в Северной Сирии, в том числе и по оккупации кантона Африн, продолжающейся и поныне. Все это резко осложнило положение курдов Рожавы, но не остановило действия курдов по обеспечению жизнеспособности своей автономии. Дело в том, что после некоторых дискуссий внутри первой администрации Дональда Трампа было решено оставить американский контингент (по официальным данным, численностью около 1000 военнослужащих), плюс к этому продолжалось и продолжается доныне снабжение сирийских курдов американским

оружием и амуницией. Это означает, что сохранение влиятельного присутствия США в Сирии, как и на Ближнем Востоке в целом, входит и в политическую программу «изоляциониста» Дональда Трампа. На перспективу здесь ситуация следующая: несмотря ни на что, американцы остаются в Рожаве. Кроме того, последними договоренностями с новыми властями Дамаска США фактически легализуют свое присутствие в Сирии на основе международного права.

В настоящий момент, на первый взгляд, ситуация 2017–2018 гг. развивается, причем в сторону усиления влияния и значения Турции. В конце прошлого года пал режим Асада и к власти в Дамаске пришли протурецкие «прокси» из «Хаят Тахрир аш-Шамс». Одновременно резко ослабло военно-политическое влияние в Сирии России и Ирана. Уровень вовлеченности США в сирийскую ситуацию также не будет таким высоким, как в годы первого президентства Трампа, поскольку для Вашингтона сегодня явным приоритетом остаются опять же внутренние проблемы и тотальное военно-политическое и экономическое противостояние с Китаем. А Великобритания и страны ЕС сегодня вовлечены в конфликт с Украиной, что делает невозможным мощную и широкую коалицию в Сирии в поддержку курдов.

Казалось бы, сложилась благоприятная ситуация для реализации амбиций нынешних властей Анкары по проведению самостоятельного курса на международной арене. Кроме того, такое положение вещей потенциально способствует тому, что проблемы в отношениях с сирийскими курдами могут быть разрешены в пользу Анкары.

Однако тут имеются своеобразные ограничительные нюансы. Многие наблюдатели отмечают типологические сходства в политике нынешних лидеров США и Турции (Эрдогана иногда даже именуют «ближневосточным Трампом»). Одно из этих сходств — оба лидера, несмотря на имеющиеся порой случаи критики в адрес своих союзников и даже ультимативные политические шаги в их отношении, никогда не переступают определенные «красные черты», ибо понимают нарушения этих ограничений. У Анкары эти ограничения, не дающие возможности слишком кардинального решения сирийско-курдского вопроса, следующие.

1. После почти 80 лет дипломатических отношений с Израилем (кемалистская Турция была единственным мусульманским государством, признавшим Израиль в 1949 году) они ухудшились до беспрецедентно низкого уровня и близки (в зависимости от дальнейшего развития израильско-палестинского конфликта) даже к разрыву. А курды (в т. ч. сирийские) и Израиль уже давно рассматривают друг друга как потенциальных союзников. Поэтому вполне вероятно, что Израиль совершенно определенным образом среагирует на возможное усиление военной и внешнеполитической активности Турции на сирийском направлении. Более того, такой сценарий развития может серьезно ухудшить отношения с Вашингтоном, которые сейчас у Турции достаточно ровные, в силу, возможно, некоторой общности внешнеполитической культуры. Но в случае если действия Анкары в регионе будут расценены как потенциальная угроза Израилю, нынешняя администрация США встанет на сторону последнего, поскольку у Трампа в этой стране значительные семейные, политические и финансовые интересы.

2. Предположим, что власти в Турции возьмут курс на еще большую внешнеполитическую самостоятельность и дезинтеграцию с Западом. Но это будет потенциально означать больший уровень сближения с Россией, Ираном, Китаем и другими акторами глобальной политики, сделавшими ставку на самостоятельный международный курс. Однако, например, в отношениях с Россией существуют одно очень деликатное и серьезное обстоятельство. Несмотря на сохранение экономических отношений с Москвой на высоком уровне, в нынешнем российско-украинском конфликте Анкара поддерживает Киев не только в политическом, но и в военном отношении и к тому же не признает территориальных изменений границ России, происшедших в 2014–2022 гг. Насчет

последнего обстоятельства следует, однако, добавить, что де-юре полноценно эти изменения не признала ни одна страна в мире (даже союзная Белоруссия), кроме КНДР и свергнутого режима Асада в Сирии.

Также и отношения Анкары и Тегерана сейчас находятся не на самом оптимальном уровне. Маловероятно, что Турция резко и быстро изменит эту давно сформированную и многие годы существующую позицию. Кроме того, несмотря на порой парадоксальные действия на международной арене, доминирующим и стратегическим курсом Турции является ориентация на Запад (Европу прежде всего) и сближение с ним.

Справедливости ради надо отметить, что, несмотря на такую специфическую позицию, именно Турция предпринимает наиболее активные политико-дипломатические усилия по прекращению конфликта вокруг Украины, потому что это — в ключевых геополитических и геэкономических интересах Анкары.

3. Если Турция бросит вызов интеграции с НАТО и ЕС, то у нее может возникнуть проблема, своего рода «второй фронт» (в большей степени политический, нежели военный) у юго-западных границ. Речь идет о неоднозначных отношениях с соседней Грецией и проблеме освоения углеводородных ресурсов шельфа восточного сектора Средиземного моря. В настоящий момент в политических кругах Афин, несмотря на все внешние дипломатические реверансы, Турция рассматривается как потенциальная угроза стабильности в регионе, и существуют проекты типа создания альянса Израиль–Египет–Кипр–Греция, направленного на сдерживание Анкары. Нынешние власти Турции вряд ли пойдут на открытие сразу двух «политических фронтов», поскольку война, как «холодная», так и «горячая» на два фронта может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому на перспективу существуют два варианта решения проблемы международной ситуации вокруг региона в целом и Рожавы как его части. Либо Анкара предпринимает шаги по позитивному решению этих проблем, либо на обозримое будущее сохранится статус-кво, хотя и без реального развития военной экспансии, но с постоянной «силовой» риторикой.

Надо отметить, что для Турции членство в НАТО — это единственный надежный мост, связывающий страну с западным миром, и один из краеугольных камней международного политического положения страны и специфики ее внешней политики.

Последний по месту, но не по важности аспект сирийско-курдской проблемы — отсутствие единства и даже латентный конфликт между ведущими политическими силами сирийских курдов — РYД, ориентирующейся на идеологию «демократического федерализма», исповедуемую РПК, и Курдским национальным советом, ориентирующимся на ДПК Барзани и политический курс, проводимый иракским Курдистаном. Это многолетнее противостояние серьезно ослабляло Рожаву во всех смыслах. Например, Пешмерга (вооруженные формирования) сирийских курдов не допустили на территорию административной автономии пешмерга курдов иракских, что негативно сказалось на обороноспособности Рожавы.

Однако в самое последнее время отметились и позитивные изменения. 26 апреля 2025 г. в Рожаве прошла общекурдская конференция по проблеме единства. На ней присутствовало 400 делегатов из Турции, Сирии, Ирака. Причем это были представители самых различных политических сил, которых обычно бывает трудно привлечь к конструктивному диалогу. Пока трудно говорить о реальных последствиях для практической политики, но конференция стала проявлением понимания среди курдских политиков того, что единство имеет ключевое значение для решения курдского вопроса и недопущения его эволюции в еще одну «горячую точку» нынешней «гибридной» мировой войны.

Главным результатом этой конференции стало создание общекурдской межпартийной структуры по решению проблемы автономии Рожавы и обращение к новым властям Сирии с призывом полноценно соблюдать права курдов и предпринять шаги в сторону федерализации Сирии, которая, по мнению курдов, не представляет никакой угрозы для территориальной целостности страны. Однако положительного ответа из Дамаска не последовало.

Совершенно определено, что курдская политика нынешних турецких властей сегодня подчинена задаче пропагандистской работы в свете грядущих предвыборных кампаний, поскольку ключевая задача нынешних правящих в Турции политических сил — удержаться у власти. В то же время Анкара будет воздерживаться от шагов, могущих усилить автономию Рожавы из опасения, что это может усилить автономистские тенденции среди сирийских курдов.

Упомянутая конференция курдов в Рожаве — это внешнее выражение ситуации, в которой необходимость федерализации Сирии достигла уровня, при котором она является необходимым условием сохранения целостности страны. Курды, проявив в этом событии общенациональную политическую солидарность, дали понять новым властям в Дамаске, что если федерализм не будет установлен в результате договора на основе политического компромисса, то тогда процесс «федерализации» пойдет снизу, во многом стихийно, с применением насилия и может завершиться распадом страны.

Литература / references

Электронные ресурсы / Electronic sources

Turkey's strategic tangle W. Robert Pirson, 17.04.2025. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-strategic-tangle> (дата обращения: 15.06.2025).

Middle East Eye, Turkey's vision of Syrian Kurds. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/what-turkeys-vision-kurds-syria> (дата обращения: 15.06.2025).